Моск. комсомолец. 1994, апрель. с. 4

ЗАПАХ ВДОВЫ...

Объявление гласило: "В связи с плохой вентиляцией вход в зрительный зал — за 10 минут до начала спектакля". Это настораживало: Камерный музыкальный театр находится в глубоком подвале. И все же радостное ожидание не покидало мою юную спутницу, студентку музыкального колледжа одной маленькой дружественной страны. Это она настояла на том, чтобы мы пошли с ней в театр, где идут музыкальные комедии.

"Поведу ее к Борису Покровскому, — решила я, — на премьеру "Веселой вдовы". Авось пронесет". Не пронесло. Театрик маленький, до сцены рукой подать. Виден плохо наложенный грим, не скрывающий солидный средний возраст артистов, бросаются в глаза потертые костюмы, стоптанная обувь. Тем более что актеры все время выбегают в зал, так сказать, вовлекая зрителей в жизнерадостное действие. "Слава Богу, что она не читала "Яму" Куприна, — мысленно радуюсь я. Потому что я-то читала. И мне интерьер, равно как персонажи и действия легаровской "Вдовы" в постановке Камерного, напоминает салон трехрублевого заведения Анны Марковны.

Сосредоточились на хорошем пении Е. Андреевой (Валентина) и Л. Геники (Ганна). Однако главное испытание ждало нас впереди. Легкий запах затхлости, едва заметный поначалу, по мере развития действия становился все более навязчивым. А поскольку оперетта — жанр динамичный и сопровождается тем, что еще братья Стругацкие называли "рукомашеством и дрыгоножеством", то волны амбре накатывались вместе с телодвижениями темпераментных артистов. Вспомнился мюзикл, виденный мной в венском театре: там зал заполнял запах французского парфюма. Почему-то захотелось процитировать что-то вроде: "Здесь русский дух, здесь Русью пахнет". Вышли мы в состоянии делового подъема:

— Завтра пойдем в какой-нибудь другой музыкальный театр, — решительно сказала гостья. И мы пошли в "Геликон". На следующий же день.